

V. Первое посещение Риги Петром в 1697 г.

*Страны европейские суть страны торгашеские
и токмо резоны страха и жадности разумеют.*

Пётр I Великий

Фигура царя Петра Великого, личности яркой, самобытной, порой весьма неоднозначной и сегодня не оставляет равнодушными не только историков, но даже современных политиков. Та страсть, тот напор, с которыми некоторые из них до сих пор продолжают сражаться против восстановления в Риге памятника Петру, просто изумляют. С именем этого русского царя связано многое в истории Риги, и Петровская эпоха занимает здесь одно из важнейших мест. Как же произошло знакомство Риги и первого Императора Всероссийского?

Впервые Пётр был здесь инкогнито (под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова) в составе Великого посольства, отправленного им в Европу (9 марта 1697 — 25 августа 1698). Официальной целью посольства было расширение антитурецкого союза России, Австрии и Венеции. Кроме того, Пётр желал лично ознакомиться с Европой, закупить новинки вооружения и техники, пригласить на русскую службу иноземных специалистов. В тот раз неприветливая осторожность шведского генерал-губернатора раздосадовала царя, и это первое посещение вооружило его про-

Рига в 1700 году, гравюра Г.К.Килиана

СПРАВКА ОТ МУЗЫ КЛИО

Известный рижский краевед начала XX века К.Меттих утверждает, что царь был у нас один раз инкогнито, раз под стенами города во время осады и «посетил за-

тем семь раз Ригу, как её Государь и благоволитель».

Мы нашли следующие даты этих посещений: с 31 марта по 8 апреля 1697 г., с 9 по 15 ноября

в 1710 году, с 18 ноября по 6 декабря 1711 г., с 25 по 30 июля в 1712 году, с 6 по 11 февраля 1714 г., с 1 по 8 февраля 1716 г. и, наконец, с 17 марта по 22 мая 1721 года.

тив города до такой степени, что он впоследствии отзывался о недружелюбном приёме в Риге, как о поводе к войне со Швецией, а сам город именова́л в переписке не иначе, как «сие проклятое место».

Формально Посольство возглавлял женевец Франц Ле Форт (для нас более привычно Лефорт), любимец царя ещё по Немецкой слободе в Москве (она же Кукуй), возведённый в чин генерала и адмирала (это при том, что флот ещё только зарождался). Ему помогали Фёдор Головин (генерал и сибирский наместник) и думный дьяк Прокофий Возницын.

Лефорт имел хорошие связи в Европе и был ловок в общении относительно светского обще-

ства. Он представлял собой фигуру представительскую и декоративную. Головин же был опытным, матёрым дипломатом, впрочем, как и Возницын. Они-то и тащили на себе весь груз посольских обязанностей. Однако ирония судьбы: прохвост и бездельник Лефорт попал во все учебники истории, они же оказались совершенно забыты.

Следует отметить, что в свите русского царя находился тогда дворянин Пётр Васильевич Постников. Ещё в 1692 году он был отправлен в Италию, в Падуанский университет, в 1694 г. защитил там докторскую диссертацию и стал первым русским человеком, получившим учёную степень доктора медицины и философии. Послов

СПРАВКА ОТ МУЗЫ КЛИО

Знания и впечатления, полученные в ходе Великого посольства, легли в основу коренного реформирования практически всех направлений жизни России и её населения.

Они были использованы для создания:

- регулярной армии и военного флота (многие корабли построены по проектам самого Петра I);
- сети адмиралтейств, литейных и металлообрабатывающих заводов, текстильных и бумажных фабрик;
- новой столицы Санкт-Петербурга по образцу голландского Амстердама;

— новых органов управления государством — коллегий;

— новой российской символики: триколора и Андреевского флага;

— новой системы финансов и делопроизводства, а также монетных дворов в Москве и Санкт-Петербурге;

— регулярной дипломатической службы с полномочными посольствами в европейских столицах;

— элементов самоуправления (бурмистерские палаты);

— школы русской живописи и графики;

— российской науки, сети военных и светских школ, училищ и библиотек;

— нового русского шрифта и техники книгопечатания, появления российской прессы;

— архивного дела и картографии;

— нового летоисчисления и календаря;

— первых российских орденов (Св. Андрея Первозванного, Св.Екатерины и Св. Александра Невского);

— музейного дела (первый музей — Кунсткамера в Санкт-Петербурге).

Медаль на первое путешествие Петра Великого по Европе

сопровождало более 110 дворян и должностных лиц с прислугой, 62 солдата Преображенского полка и 35 волонтеров, направлявшихся за границу «для учения воинского поведения и морского дела». Всего же отправлялось в страны чуждаельные около 250 человек.

На малой печати Петра, сделанной специально для Великого посольства, были выгравированы слова: «Я ученик, ищу учителей».

Путь Великого посольства лежал через Лифляндию. Впоследствии лифляндский генерал–губернатор Э.Дальберг оправдывался тем, что он полагал, будто царя нет в числе путешествующих. Только под конец их долгого пребывания в Риге, вызванного начавшимся ледоходом, он убедился в том, что царь находился при посольстве. Сам Дальберг уверял, что ни одно посольство не было

принято в Риге с таким торжеством, как они. Шведский генерал–губернатор лукавил, поскольку сообщения о молодом человеке высокого роста с характерной запоминающейся внешностью, состоявшем при посольстве, доставлены ему были исправно и в срок. Всё остальное оставим на его совести.

По словам Дальберга, встреча состоялась 31 марта 1697 года. Недалеко от Риги послов ожидали три лёгкие кареты. Приветствовать гостей явились подполковник Пальмштраух и майор Ранк в карете Дальберга, шестериком. Их окружали 12 гайдуков в королевской ливрее, а также 10 роскошно одетых пажей и лакеев генерал–губернатора. Магистрат выслал навстречу одного из бургомистров. Позолоченная городская карета ехала за каретой Пальмштрауха, и за нею следовало около пятидесяти других карет, принадлежащих лицам

Лифляндский генерал-губернатор Эрик Дальберг (с 1696 по 1702 гг.). Человек, блестяще доказавший правоту старой истины о том, что скупой платит дважды.

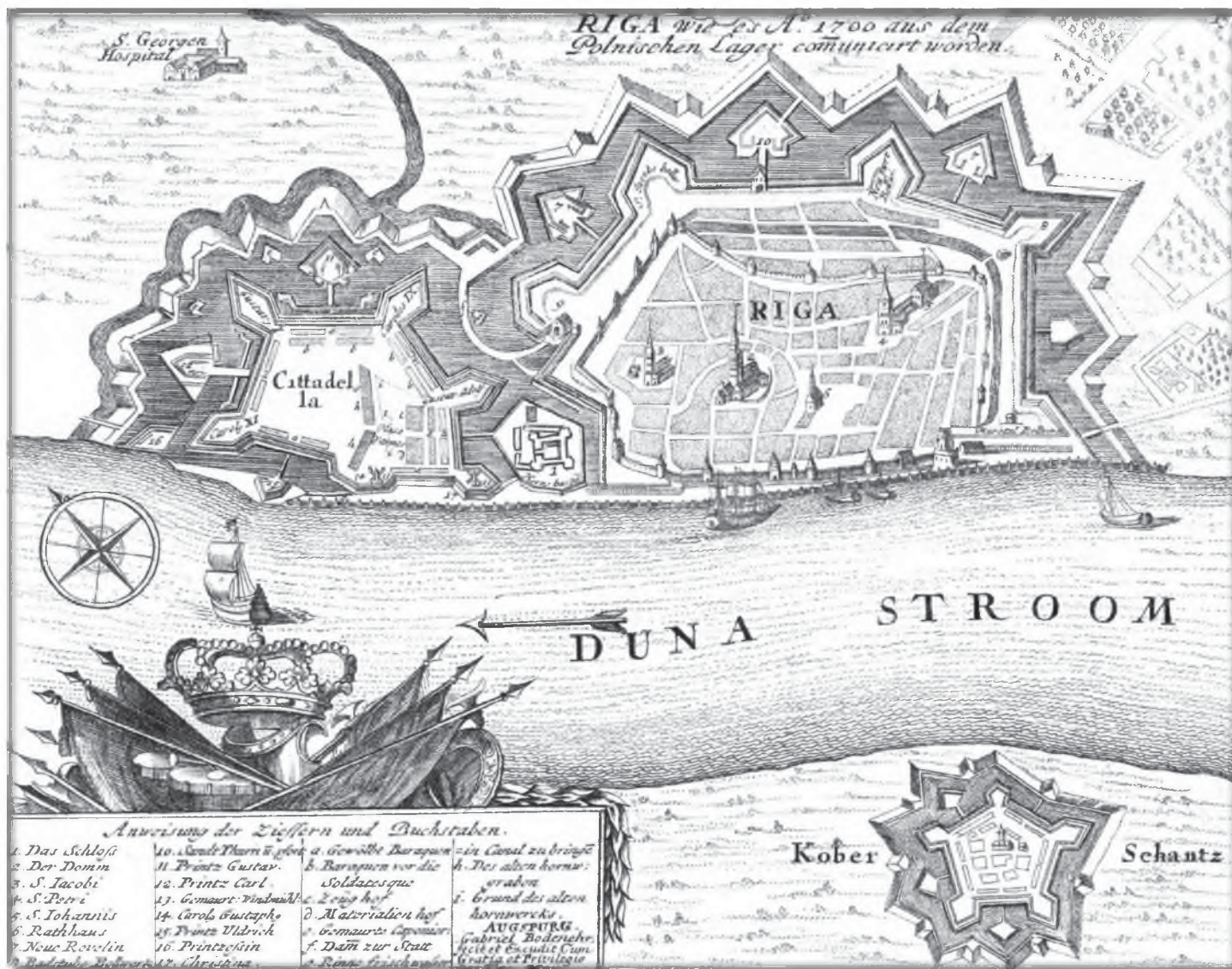
из его свиты. За ними ехали 36 членов общества Черноголовых в обшитых позументами платьях, в шляпах, украшенных белыми перьями. Шествие замыкали 140 богато одетых и вооружённых бюргеров, также верхом, со шпагами в руках, с литаврами и трубами. Подполковник зачитал приветствие от лица генерал-губернатора, бургомистр приветствовал их от имени города.

Послы поблагодарили за приём и сели с Пальмшраухом в его карету. В той карете, что ехали они ранее, поместились боярские дети второго посла («боярские дети» — в Русском государстве XV–XVII вв. мелкие дворяне на военной службе у князей, царей, бояр и церкви), а в шести остальных уселись дворяне из свиты первого и второ-

го послов. Отряд конных бюргеров построился, и при звуках труб состоялся въезд в город. У палисада, окружающего предместье, были поставлены десять человек с бердышами и десять с мушкетами, а рядом с ними двадцать солдат с алебардами. Солдаты подошли к карете, в которой ехали послы, и проводили её через город до их квартиры. У Песочных ворот, на рынке и у Карловских ворот стояло по батальону пехоты в полном военном наряде; артиллерия выстроена была перед ратушей. Торжественный поезд двигался по Известковой улице, через рынок и по Господской улице до места выгрузки судов на Двине, за Карловскими воротами. Там находился постоялый двор Мермана, в котором должны были останавливаться все русские путешественники. Место это именовалось Ластадия, ныне район Центрального рынка. Здесь и в соседних домах отведены были квартиры посольству. По словам Дальберга, квартира, которую занял глава посольства Лефорт, была меблирована во французском стиле. При въезде в город было произведено 16 пушечных выстрелов, при выезде из него — 9. По прибытии на квартиру подполковник Врангель и капитан Лиленштерн приветствовали послов от имени генерал-губернатора. Те поблагодарили и угостили обоих рейнвейном. Перед постоялым двором поставлена была стража из пятидесяти человек солдат под командой поручика. Казалось, что обе стороны довольны одна другою.

Долго задерживаться в Риге царь не собирався. Он спешил в Европу, но на Двине начался ледоход. Посольство опоздало всего лишь на пару дней — пешком через реку ещё можно было перебраться, но на санях уже никак! Обоз же был основательный — 250 человек и тысяча саней. Одних мехов для подарков везли на 70 000 рублей (тогда корову можно было купить за рубль).

Вскоре начались недоразумения. Воспользовавшись тем, что из-за ледохода посольство оказалось в безвыходном положении, рижские купцы взвинтили цены для русских втридорога. Неудовольствие возросло ещё более, поскольку

Укрепления Риги в 1700 году, гравюра Г.Боденера. Стараниями шведских властей, Рига стала одной из наиболее укрепённых крепостей на восточном побережье Балтийского моря. Кроме городских стен, земляных валов и защитного рва город был окружён ещё одним укреплённым поясом с блокаузами и палисадами. В общую оборонительную систему была включена Цитадель, служившая когда-то укреплением для охраны замка и переделанная в особую крепость. Построенный во время польско-шведской войны на левом берегу Двины Кобершанец был расширен с помощью рвов и рavelинов.

в богатой Риге не устраивались празднества, на которые посольские явно рассчитывали. Обада усилилась, когда начались столкновения с военными караульными постами. Позднее Пётр раздражённо отозвался о своём первом пребывании в Риге, что скупые шведы даже фейерверка не сожгли для его увеселения...

Правда, царь хранил инкогнито, так что не будем особенно упрекать Дальберга в этом досадном промахе; однако, нельзя в то же время и отрицать, что для шведов было бы гораздо выгоднее,

если бы генерал-губернатор следовал внушениям ума, а не руководствовался исключительно соображениями экономии.

Вначале Пётр строго соблюдал свою тайну, но наконец ему это наскучило. Спокойно сидеть и ничего не делать было не в его горячей натуре. Подобно своим товарищам, он начал искать себе развлечений. Рига была первым европейским городом, который они увидели; много было в ней интересного, приковывающего внимание чужестранца. Образ жизни, занятия купцов и ремесленников,

кипучая деятельность в гавани на Двине имели много привлекательного. Их прельщали и окрестности города. По важной, благородной осанке, по умным блестящим глазам бюргеры вскоре распознали молодого царя, хотя он своим платьем и не отличался от прочих служащих при посольстве. Один из горожан рассказывал, что на второй день Пасхи видел, как царь выехал из Карловских ворот на серой лошади, которую можно было оценить в десять талеров. Он же поведал о том, что царя видели на Ризинговом мосту, покрытом с одного конца водой на полтора локтя. В тот день там собралось несколько сот человек, чтобы полюбоваться наводнением.

Пётр отметил удобную зимнюю гавань, оживлённую торговлю на Ратушной площади, Королевский лицей и Домскую школу. Его восхитили шпили соборов и купеческое братство «Черногловых», куда он пожелал записаться. Принципы рижского самоуправления Пётр позднее использовал при организации в Москве выборного бурмистерского приказа.

Для Петра и его молодых спутников особый интерес вызывала рижская крепость. Фортификация принадлежала к главным предметам образования знатных юношей. От каждого дворянина, желавшего жениться, Пётр требовал экзамена в чтении, письме и фортификации. Принимая во внима-

Карловские ворота в Риге. Редкая фотография, сделанная незадолго до их разборки в 1863 г. Именно в районе этих ворот случился прискорбный инцидент, во время которого шведский часовой угрожал Петру оружием.

ние то значение, которое имела тогда в России эта наука, нельзя удивляться, что некоторые из гостей желали осмотреть валы, башни и другие крепостные укрепления. В приливе любознательности они даже стали измерять глубину рвов и снимать план укреплений. Эти проявления интереса к тому, что во все времена именовалось «военной тайной», встревожили шведов, и они запретили пытливым чужестранцам прогуливаться по валам и контрэскарпам (фр. *contre* — *против* и *escarpe* — *откос, передняя отлогость внешнего крепостного рва, ближайшая к противнику*). Когда же те не обратили внимания на запрет и всё же захотели исполнить своё намерение, часовой загородил им дорогу ружьём. По русским даже пальнули со стены для острастки! В числе лиц, остановленных шведским часовым, находился и царь. Капитан Лиленштерн докладывал, что он видел, как человек величественной наружности вступил в серьёзный разговор с господином послом относительно происшествия в крепости.

Возможно, Пётр действительно осматривал укрепления без всякой задней мысли, но тем сильнее оскорбили его подозрения в шпионаже. Царь никогда не мог забыть этого столкновения и добивался удовлетворения за обиду. После этих происшествий генерал-губернатор приказал гораздо строже следить за гостями. Досада русских увеличилась ещё более, а раздражение и обида росли. Особенно был оскорбителен суровый надзор за ними. Крепко уязвлённый Пётр писал в Москву: «Здесь (в Риге) мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением...»

Известно, что 8 апреля, ночью, за несколько дней до отъезда посольства, Пётр скрытно переправился через Двину на баркасе. Эта опасная переправа в самый ледоход сделалась предметом многих преданий, сохранившихся среди перевозчиков и рыбаков, живших по ту сторону реки. Осталось тайной, что заставило царя так поспешно покинуть Ригу. Возможно, что

Группа чинов 3-го Выборного солдатского полка, 1696–1698 гг. Слева солдат фузилёрных рот, поверх зелёного кафтана у него на груди надет нагрудник (зерцало). В центре капитан в красном кафтане (Государь Пётр Алексеевич). Справа прапорщик (знаменосец) в белом кафтане Реконструкция С.А.Летина. Сформированные в 1691–1692 гг. из «потешного строя людей всяких чинов» Преображенский и Семёновский полки, составили т.н. 3-й Выборный Московский солдатский полк генерала Автомона Головина. Сержанты почётного караула Великого посольства, назначенные из состава преображенцев, были одеты в алые кафтаны.

досада на недоверчивого и скупого генерал-губернатора побудила Петра ускорить отъезд. Или же действительно существовала некая опасность, которой Пётр пытался избежать. Этого мы уже никогда не узнаем. Несколько дней спустя последовал за царём и глава посольства со свитой. Перед самым их отбытием возникли довольно бурные пререкания из-за платежей. Предприимчивые рижане представили русским умопомрачительные счета за обслуживание. Те сочли слишком дорогими цены за квартиру, дрова, свечи, продовольствие и корм для лошадей. Дальберг встал на сторону кредиторов, объясняя, что по причине дороговизны цены на жизненные припасы стоят высокие, и заплатить всё равно придётся. В конце концов, все финансовые проблемы были улажены, но этот скандальный отъезд не прибавил взаимной симпатии.

По уверению Дальберга, главы посольства были переправлены через Двину в красивой яхте, обитой изнутри красным сукном, с воздвигнутым на ней королевским павильоном. В распоряжение свиты были отданы две другие яхты и 30 лодок. В честь отъезжающих были произведены 32 пушечных выстрела. Две городские кареты довели послов до курляндской границы. Так царь и посольство покинули шведскую землю, простились с представителями властей, но расстались весьма недовольные друг другом. Как говорится, осадок остался...

Согласно русским источникам, та благостная картина, которую обрисовал Дальберг в своих отчётах, мягко говоря, несколько отличается от действительности, и что во всё время пребывания в Риге посольство было окружено атмосферой враждебной недоброжелательности. Русские были поселены в негодных домах, вокруг расставлены

караулы, умножены дозоры, учреждены разъезды. Губернатор был высокомерен и груб. И кому прикажете верить?!

Феофан пишет, что когда из Курляндии послан был курьер Суровцев, то был он на три дня задержан губернатором, который, расспросив его, обобрал, обругал и едва отпустил. Царский сановник Возницын на возвратном пути через Ригу также был ограблен и обижен тем же Дальбергом.

Пётр I. Неизвестный художник (Версальский тип), 1-я половина XVIII в. Ганноверская принцесса Софья так описывала Петра в 1697 г.: «Царь — высокий мужчина с прекрасным лицом, хорошо сложен, с большой быстротой ума... жаль только, что ему недостаёт... полной светской утончённости».

Митава в XVIII столетии

Блестящий приём, который приготовил по-сольству курляндский герцог Фридрих Казимир, ещё более оттенил скряжничество шведского генерал-губернатора и неприятности, перенесённые в Риге. За рижские разочарования царь и его спутники были с избытком вознаграждены во всех европейских странах, через которые им пришлось проезжать. Герцог трижды встречался с царём. Во время одной из встреч Пётр I пообещал наследнику митавского престола одну из московских царевен. Племянница Петра, Анна Иоанновна, стала курляндской герцогиней, а позднее взошла на российский трон.

Любопытно, что в Митаве Пётр сделал зловещую покупку: приобрёл и отправил в Москву топор городского палача, уже испытанный в деле. Им успешно обезглавили двух преступных злодеев. Царь как будто знал, что спустя время, из Европы придётся спешно возвращаться, дабы подавлять очередной стрелецкий бунт и карать виновных.

С небольшой группой сопровождающих, оторвавшись от всех, нетерпеливый Пётр 24 апреля прибыл в **Либаву** (Лиепая) и провёл здесь неделю. Все дорожные расходы от Митавы были гостеприимно оплачены из казны Курляндского герцогства. В Либаве царь купил «две книжицы малые, Библию, лимоны и померанцы» и осмотрел в местной аптеке заспиртованную саламандру, о которой писал в Москву дьяку Андрею Винниусу: «Здесь я видел диковинку, что у нас называли ложью: у некоторого человека в аптеке сулемандра в склянице, в спирту, которого я вынимал и на руках держал, слово в слово таков, как пишут». Здесь Пётр, по-видимому, впервые услышал органную музыку, пообщался с учителем местной школы, автором «Курляндского календаря» Георгием Кригером и медиком Михаилом Биргером, ставшим впоследствии одним из первых академиков Петербургской академии наук. Именно в Либаве Пётр впервые увидел открытое Балтийское море,

Либава в 1705 г.

Дом
в Лиепае,
в котором
останавливался
Пётр
весной
1697 г.

за которое потом сражался всю жизнь. Больше всего его интересовало кораблестроение. Пётр даже беседовал с заезжими моряками—голландцами, выдавая себя за человека, желающего купить судно для... русского царя. По всей вероятности, визит Петра I в Либаву ускорил ход переговоров либавских ратманов с курляндским герцогом о строительстве порта — соглашение было подписано осенью того же 1697 года.

Бранденбургский посол докладывал своему министру Данкельману в мае 1697 года: *«Вчера приехал сюда из Либавы водою один студиозус, который сообщал, что видел царя в Либаве, как перед этим в Митаве. И так же, как это делали другие путешественники, зарисовал его карандашом»*. По свидетельству автора зарисовки поляка Теодора Любеницкого, Пётр одет был в шкиперское платье. Что означает, что в Либаве царь сменил русский костюм на европейский.

Во время пребывания в городе Пётр проживал в гостинице «вдовы Маргариты Гейровой» на нынешней улице Кунгу, 24. Во дворе, по преданию, русский царь посадил иву. Часть его свиты, обосновалась в соседней корчме. Сохранился любопытный документ. Это счета, которые фрау

Хойер «выставила на оплату» курляндскому герцогу Фридриху. Владелица гостиницы с немецкой педантичностью перечислила все расходы по приёму царя и его свиты. Не забыты даже семь грошей за соль! Надо заметить, что аппетит у посольских был отменный. К примеру, в первый же день они съели за обедом четырёх каплунов, полтора круга колбасы, семьдесят яиц, шестьдесят фунтов хлеба, много капусты и хрена. Выпито было два штофа водки и полторы бочки пива.

Отсюда, весной 1697 года Пётр I отбыл морем в дальнейший путь. Его ждали Германия, Голландия, Англия, трудовые будни и дипломатические переговоры. Вторично он посетил Либаву в период Северной войны, в феврале 1716 года. Здесь уже была искусственная гавань, позволявшая заходить в новый порт самым большим судам того времени. И Пётр смог воочию увидеть стоящие на якоре русские корабли.

В *Кёнигсберге* (ныне Калининград) в ожидании основного посольства Пётр занимался бомбардирским искусством у главного здешнего артиллериста полковника фон Штернфельда, который выдал царю аттестат об особом умении. Здесь Петру удалось договориться с Бранденбургским

курфюрстом Фридрихом III об оборонительном союзе против Швеции.

В голландском **Саардаме** царь поселился у знакомого по Москве кузнеца Геррита Киста, приобрёл инструменты и устроился на верфь Липста Роге в бригаду корабельных плотников. Пройдут годы, и скромный домик, где останавливался Пётр, станет мемориалом. В разное время его посетят австрийский король Иосиф II, шведский Густав III, Наполеон и Мария Луиза, российские императоры Павел I и Александр I, В.А.Жуковский, сопровождавший своего воспитанника великого князя Александра Николаевича, напишет на стене стихи, обращённые к наследнику российского престола:

*Над бедной хижиною сей
Летают ангелы святые,
Великий князь! Благоговей!
Здесь колыбель империи твоей,
Здесь родилась Великая Россия!*

В **Лондоне** Пётр не менее четырёх раз побывал на Монетном дворе в Тауэре, где Джон Локк и Исаак Ньютон работали над реформой британской монетной системы. С большой долей вероятности Пётр мог беседовать с великим математиком, руководившим Монетным двором. Московский царь встречался с архиепископом Кентерберийским и побывал на совместном заседании палат лордов и общин, проходившем в присутствии короля Вильгельма III.

На судостроительных верфях **Дентфорда** Пётр постигал теорию кораблестроения. В **Вуличе** Пётр ознакомился с арсеналом, литейным и артиллерийскими заводами. Во время посещения главной английской военно-морской базы в **Портсмуте** для царя разыграли морское сражение.

На обратном пути в польском городке **Рава Русская** Пётр имел беседу с королём польским, в которой оба коснулись вопроса о возможной войне со Швецией. При этом царь упомянул, что дол-

Пётр I беседует с мастерами корабельного дела в Саардаме.
Гравюра И.-Б.Мишеля с оригинала Г.Ваппера. 1858 г.

жен требовать от шведов удовлетворения за причинённую ему в Риге обиду и за тот злосчастный выстрел с бастиона. Некоторые соседние Швеции державы пострадали в конце столетия от упрямства преемника Густава Вазы и не могли забыть нанесённого им ущерба. Остзеец Иоганн Паткуль, желавший освободить Лифляндию от шведского господства, основал на этом свои политические комбинации и способствовал образованию коалиции против шведов, состоявшей из Саксонии, Польши, Дании и России. Интересно, что изначально Пётр намеревался привлечь европейских государей к образованию коалиции против Турции. Но после посещения Великим посольством Риги внешнеполитический курс России изменился. Главным врагом отныне стало Шведское королевство.

Великая Северная война началась в 1700 г. и продолжалась 21 год. Она возвысила Россию в число первоклассных держав и низвела Швецию до уровня стран третьестепенных. Наименование «великая» уместно потому, что в этой войне кроме России и Швеции участвовали Датско-Норвежское королевство, Саксония, Англия, Ганновер, Голландия, Пруссия и Речь Посполита. По сути это была ограниченная «мировая война».

Итогом войны стал не только Ништадтский мир, по которому Лифляндия, Эстляндия и дру-

гие территории вошли в состав России. Была провозглашена Российская империя и заложена её столица Санкт-Петербург. Изменения коснулись всей карты Северной Европы. Если до войны здесь доминировали две мини-империи — Дания и Швеция, то в ходе военных действий в общих чертах сформировалась вся система современных государств. В Финляндии проявилась тенденция к обособлению от Швеции. В самой Швеции рухнул режим абсолютной королевской власти, и она забыла о былых имперских притязаниях, что современными шведами оценивается весьма положительно.

Причины, побудившие Петра I к объявлению войны шведам, были им выражены в манифесте от 19 августа 1700 года: *«Шведы не только ограбили русских столь нужными отеческими пристаньми, но и разумным очам к нашему нелюбозрению добрый задёрнули завес и со всем светом комуникацию пресекли»*. Поводом же к войне служили *«многие неправды Свейского короля»* и в особенности то, что *«во время Государева шествия чрез Ригу от рижских жителей чинились ему великому Государю многия противности и неприятства»*, за которые царь так и не получил удовлетворения. Так Рига невольно сыграла роковую роль в судьбе Шведского королевства.

Вид на Ригу с башни церкви Св.Петра